

САПЁР ОШИБАЕТСЯ ДВАЖДЫ

ТОМ 1

Тихон Лосев

ТИХОН ЛОСЕВ

Сапёр ошибается дважды

«Автор»

2026

Лосев Т.

Сапёр ошибается дважды / Т. Лосев — «Автор», 2026

Пиротехник МЧС Егор Лыков погиб на бомбе давней войны — и очнулся в мире, где магический дар есть у каждого, а у него нет. Вместо дара досталось Наставление — казённый устав, который видит он один и в котором выслуга идёт за каждый снятый заряд. Здесь тоже была война и тоже осталась в земле. Сонная полоса: спящие заряды под пашней, дорогой, порогом. Мага заряд чует за тридцать шагов. Пустого не чует вовсе. У Егора щуп и двадцать лет привычки делать всё по порядку. За чистую землю тут платят золотом. Но кому-то очень нужно, чтобы она спала. И Наставление зачем-то ведёт счёт недостачи.

© Лосев Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Смена прибыли	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Тихон Лосев

Сапёр ошибается дважды

Глава 1. Смена прибыла

Землю я начал шупать раньше, чем открыл глаза.

Лежал я лицом вниз, щекой в мокрой прошлогодней траве, а ладони уже шли от плеч в стороны, веером, одними пальцами — так ночью ищут на тумбочке очки, чтобы не смахнуть стакан. Под левой рукой трава, корешки и холодная жижа, под правой камешек, ещё камешек, дальше ровно. Ни проволоки, ни крышки, ни того гладкого и круглого, на чём пальцы останавливаются сами. Я довёл руки, сколько хватило длины, и вернул их по тому же следу.

Этому не учат, оно заводится само, году на третьем службы. Упал — сперва узнай, на чём лежишь, а потом уже вставай.

Тогда я открыл глаза. Травинка, на травинке капля, за каплей глинистый откос, и уходил он вверх, куда ни повернись. Воронка. Старая, заплывшая, шагов восемь поперёк, по скатам дёрн, на дне лужа талой воды, и в луже мои ботинки. От моей бомбы яма вышла бы вдвое шире, и лежать в ней было бы некому.

Я перевернулся на спину и пошёл руками по себе, как по найденному, сверху вниз и ничего не пропускаю. Пальцев десять, все гнутся. Ключицы, рёбра. Руки работали, а голова была во Ржеве.

Котлован под жилой дом, за больницей. Ковш вывернул её под вечер. Немецкая фугасная бомба, двести пятьдесят кило, хвост отбит, корпус целый, местами даже краска уцелела. До хирургического корпуса сто сорок метров по рулетке. Вывезти больницу — сутки, и то если с реанимацией договорятся. Застройщик приехал сам, в светлых ботинках, встал за лентой и смотрел на часы так, чтобы я видел. Из администрации звонили каждые двадцать минут, и каждый новый голос спрашивал, когда увезёте.

Взрыватель у такой бомбы сидит в боку, в глубоком гнезде, которое у нас зовут стаканом, а на головке у него выбит номер. По номеру и судят, что внутри. Я протёр головку ветошью и прочёл номер дважды. Обычный, ударный, без часов и без чуткости к тряске. Такие вынимают, бомбу кладут в кузов на песок и везут на полигон, и сколько я их вынул, не считал уже лет десять. А что немцы и под обычный номер кое-что подкладывали, в тот же стакан, этажом ниже, про это я читал, и молодым рассказывал, и картинку им рисовал на доске. Мне сказали «давай, Палыч», в шестой раз за час, вежливо, с пониманием. Я дал и отправил ребят за оцеплением.

Той штуке под взрывателем надо, чтобы его потянули на сантиметр. Написано — не значит правда. Я повторял это двадцать один год, а на двадцать втором поверил цифре. Номер я прочёл верно. Уступил.

Ноги оказались на месте, обе. Правое колено ныло, как ноет к дождю, в левом ухе звенело, как звенит с одиннадцатого года. Всё моё и всё при мне, чего быть не могло никак. Я полежал ещё. Небо стояло серое, ровное, и ни одной белой полосы от самолёта на нём не было.

Потом сел и выложил карманы на колено, слева направо.

Часы «Восток», механика, на руке. Идут. Показывали они шесть сорок, а свет был плотный, без теней, полуденный. Нож складной. Зажигалка, газа на доньшке. Курить я бросил в марте, а её выкинуть рука не поднялась. Блокнот в клеёночной обложке, карандаш при нём на резинке. Маркер, чёрный. Моток синей изолянт, шесть метров, сам отматывал в понедельник с большой катушки.

Телефона не было. К такому взрывателю телефон не носят, и он остался в машине.

Ни шупа, чтобы колоть перед собой землю, ни прибора, который пищит на железо. Перчатки и те лежали на краю котлована. Даша звонит в первых числах, и трубку возьмёт кто-нибудь из расчёта.

* * *

Я рассовывал всё обратно по карманам, когда перед глазами встали буквы. Серые, ровные, чуть смазанные, как на бланке, который пересняли раз двадцать. Они не лежали ни на траве, ни на откосе. Я повернул голову, и они повернулись со мной.

[НАСТАВЛЕНИЕ]

Смена прибыла.

Я закрыл левый глаз, открыл, закрыл правый. Буквы стояли. После контузии у меня полгода плавала в левом глазу серая запятая, и врач в госпитале сказал, что это от сотрясения и пройдёт. Прошло. Но запятая в слова не складывалась, а эти буквы постояли и поползли дальше.

[ПРИСЯГА СМОТРИТЕЛЯ]

- 1. Смену принимаю. На участок заступаю.*
- 2. Участок обхожу в срок.*
- 3. Наставление исполняю. За смотрителя оно не думает.*
- 4. К предмету первым иду сам.*
- 5. Найденное вношу в формуляр в тот же день.*
- 6. Наряды исполняю в срок. Об отказе докладываю до срока.*
- 7. Казённого против людей не обращаю и другим не даю.*
- 8. Имущество участка принимаю по описи.*
- 9. Участок сдаю смене по той же описи.*

Принять вслух.

Звон в левом ухе не унимался, и читал я так, как читают журнал инструктажа перед выездом. Первое слово строки, последнее, и сразу следующая строка. Принимаю, обхожу, исполняю, в срок. Казённая бумага, я таких подписал сотни три, на капоте, на колене, на спине у водителя.

На четвёртой строке, правда, задержался. «К предмету первым иду сам». Предмет. Так говорят у нас, у пиротехников, и больше так не говорит никто. У остальных это бомба, снаряд, железяка, «эта ваша дрянь». Я перечёл строку дважды, как номер на головке, и запомнил, что она четвёртая.

Отказаться было негде. Строки «не принимаю» я не нашёл, а выяснять на дне ямы, что бывает с непринявшим, было не с руки.

— Принимаю, — сказал я. Вышло сипло, пришлось повторить.

[НАСТАВЛЕНИЕ]

Присяга принята.

Дара не обнаружено. Годен.

Выдано: «Говор», «Формуляр».

Годным меня последний раз признавали в военкомате в две тысячи первом. Там тоже годен был тот, у кого чего-нибудь не нашли, плоскостопия или судимости. Какого дара не нашли у меня, канцелярия не написала.

«Говор» ничем себя не показал. Я сказал вслух «раз, два, три», и вышло «раз, два, три». Зато второе слово открылось само.

[ФОРМУЛЯР. УЧАСТОК 14]

Числится по описи: ...

Я подождал, пока вместо точек встанет число. Не встало.

А слово было знакомое. Формуляром у нас зовут бумагу на минное поле, и пишет её тот, кто это поле ставил. В ней сказано, сколько штук он зарыл, каких, в каком порядке и от какого

дерева отмерять шаги, и пишут её для своих, чтобы потом прийти и снять всё до последней. На пустую землю такую бумагу не заводят. Раз на участок четырнадцать она заведена, значит, участок заминирован и я сижу посреди него, а число, сколько здесь зарыто, канцелярия заменила точками.

Я заново оглядел свою воронку, для авиабомбы мелкую, для снаряда широкую, и убрал ладонь с откоса, на который собирался опереться.

* * *

Наверх я полез по промоине, где талая вода содрала дёрн до глины и было видно, куда ставишь руку. На краю лёг на локти и стал смотреть.

Ни столба, ни провода. Перелесок, берёзы, ольха кустами, между ними пустоши в бурой траве по колено. Тихо было так, как под Ржевом не бывает и в четыре утра, ни трассы, ни собаки.

Землю я читал четверть часа по «Востоку». Слева, шагах в двадцати, лежали в ряд четыре блюдца, где грунт просел на ладонь, и от блюдца до блюдца было одинаково, а сама земля рядами не проседает. За ними стоял круг тёмного прошлогоднего бурьяна, по грудь и с ровным краем. Правее, под берёзой, лежал овечий череп, а кости от него разнесло в одну сторону, шагов на шесть. Волк так не разносит.

И тропа. Узкая, в ступню, набитая до глины, она шла мимо воронки прямо, по сухому, а перед блюдцами брала вправо, лезла через мокрый кочкарник и возвращалась на сухое за тёмным кругом. Крюк шагов в сорок там, где напрямую пятнадцать.

Травой она не затянулась, значит, кто её натоптал, тот ходит до сих пор, и ходит живой. Я пошёл по крюку.

Ногу я ставил только в набитое и с тропы не сходил ни на ступню, а где она ныряла в сырое, садился над следами, и следы были всё одни, копыта, раздвоенные, мелкие, вчерашние поверх старых. Подошвы не попало ни одной. На каждом повороте я заламывал ветку на уровне глаз, сломом туда, откуда пришёл, потому что проверенного здесь было ровно столько, сколько прошли мои ботинки.

Крюков тропа сделала ещё одиннадцать. У четырёх я видел, что она обходит, то блюдце, то бурьян, а один раз кости, уже не овечьи, крупные, с рогом. У шести не видел ничего и обошёл так же.

А один оказался под водой. Тропа спустилась в низину и ушла в талую лужу шагов в двенадцать шириной, бурую, без дна. На той стороне она вылезала на глину заметно левее, чем входила. Значит, и под водой гнётся, а где — не показано. Обходить пришлось бы по нехоженому, а ждать, пока сойдёт вода, дня три.

Я сел, развязал правый ботинок и сунул в воду босую ногу, у самого входа. Дно под тропой было твёрдое, убитое копытами, как пол в сарае. На ладонь левее начинался ил, и нога ушла в него по щиколотку. На ладонь правее то же самое.

Ботинок пришлось зашнуровать обратно. С железным носком нога слышит хуже, но босая в такой воде через десять шагов не услышит ничего. Пошёл боком, приставным шагом. Правая нащупывает твёрдое, берёт вес, левая подтягивается. Где твёрдое кончалось, вёл носком по дуге, пока не находил. На середине дно под правой мягко подалось.

Я остался на левой. Колено, на этот раз здоровое, мелко затряслось, и я дал ему трястись. Правой ногой, на весу, повёл назад и влево. Твёрдое нашлось в полуступне. Тропа свернула, а я её проскочил.

Двенадцать шагов за двадцать минут. На том берегу я вылил воду из ботинок. От воронки досюда вышло два часа сорок, и правую ногу я под конец ставил плашмя, как на лёд.

Потом берёзы расступились, тропа пошла под уклон, в ольховую лошину, и впереди, за ольхой, показался вал с орешником поверху, ровный, длинный, в обе стороны. Межа. За межой говорили. Мужской голос, одно короткое слово, тишина, и опять оно же. Шагу я не прибавил.

Лощинку поперёк прорезала промоина в локоть шириной, свежая, этой весны. Тропа перед ней брала влево и перескакивала выше, по камню. Я остановился, потому что остановилась тропа, и посмотрел, что она обходит.

В стенке промоины, в ладони под дёрном, вода открыла бок. Глина, обожжённая докрасна, круглая, как у кринки, только кринку не закапывают в землю по горло и не накрывают плоской крышкой. По ободу, под крышкой, ещё до обжига выдавили корону, а под ней насечки.

[НАСТАВЛЕНИЕ]

Предмет: заряд коронный серийный.

Проверь сам.

Руки я убрал в карманы. Обе.

Да и чем проверять? Щупа нет. Нож складной, железный, лезвие в ладонь, и с таким к незнакомому ложатся те, кому надоело жить. От чего оно срабатывает, от веса, от наклона или от железа, горшок не сообщал, а канцелярия знала ровно то, что выдавлено на глине. Серийный, стало быть, не один. На такой случай у меня правило короткое. Не знаешь — не трогай. Отметь, запиши, обойди.

Я отступил по своему следу, срезал ольховую ветку, надорвал зубами подкладку куртки и выдрал полосу в два пальца. Подкладка серая, на бурой траве её видно от силы шагов с десяти. Синяя изолента была бы заметней, только её шесть метров, и второго мотка тут не выдадут. Ветку с лоскутом я воткнул в тропу, в набитое, в шаге от промоины, с наклоном к предмету.

Потом блокнот, первая чистая страница после ржевских. « 1. Горшок глин., закопан по крышку. В стенке промоины, справа от тропы 1 шаг, ладонь под дёрном. До вала с орешником ~50 шагов. Не трогал». Нарисовал лощинку, промоину, тропу и крестик.

Промоину я перешёл там, где переходила тропа, и насчитал до конца ольхи тридцать шагов. На тридцать первом встал.

Клеймо. Клеймо я не записал. Корона, насечки, а сколько насечек? Три... Или мне удобно, чтобы три. Вал был вот он, голос за ним говорил своё слово, там были люди и, наверное, вода, а я с утра пил только во Ржеве.

Твою дивизию.

Я повернулся на пятках и пошёл назад, ступня в ступню. Отпечатки в сырой глине стояли чёткие. Тридцать шагов. Присел у ветки, не ближе. У короны три зубца, средний выше. Насечек три, косые, под правым зубцом. Чего не записал, того не было, это я тоже диктовал молодым. Записал, срисовал и только тогда пошёл к валу.

* * *

На вал я вылез сквозь орешник и попал на набитую дорожку. По гребню ходили, и ходили много. По ту сторону земля лежала другая, выбитая скотом, в лепёшках, с колеёй вдоль вала и жердяной изгородью подальше.

Люди стояли правее, шагах в ста, где вал поднимался горбом, а ольха внизу кончалась. Человек двадцать, мужики с шапками в руках, бабы, у одного на плече моток верёвки, с которым он ничего не делал. Стояли тесно и молча, как у оцепления, когда людям уже всё объяснили. Смотрели все в одну сторону, в поле, на ту землю, с которой я пришёл.

В поле, шагах в шестидесяти от вала, в бурой траве стоял мальчик лет девяти. Левая нога впереди, правая сзади, руки чуть в стороны, как на бревне.

К нему через траву шли два следа, тёмные на мокром. Один узкий, петлями, второй широкий, прямо поверх узкого. Широкий обрывался шагах в десяти от мальчика и поворачивал назад.

Впереди всех, на самой кромке, стоял мужик на голову выше остальных, сутулый, руки до колен. Смотрел он себе под ноги и говорил в землю, ровно:

— Нел. Стой, Нел.

То самое слово. Звуки чужие, ни на что не похожие, а смысл приходил сразу, как от дорожного знака. «Говор», стало быть, выдали.

Я пошёл к ним по гребню. Первой обернулась женщина, коротко стриженная, под мальчишку, без платка, с руками красными до локтей, как после стирки в проруби. Она посмотрела на меня, потом на ольху у меня за спиной, потом на мои ботинки в рыжей глине, какой по эту сторону вала не было.

— Пустой, — сказала она.

Обернулись все и подались от меня, на шаг, на два, так что вокруг сделалось просторно.

— Не буди! Не буди, не буди... — зачастила какая-то из баб.

Мужик с верёвкой снял моток с плеча и переложил на другое. Один сутулый не обернулся.

— Что у него под ногой? — спросил я.

Рот сделал своё. Губы пошли не туда, язык упёрся в зубы, и вышли те же чужие звуки. Мне не ответили, только смотрели.

— Ты слышишь, что тебе сказано? — спросила стриженная. — Ты пустой! Ты оттуда вышел. Оттуда не выходят.

— Слышу. Правым. Что у него под ногой?

Она помолчала, решая, стою ли я слов. Решила, что время дороже.

— Волос. Через щиколотку. За ягнёнком полез, дурень!

Ягненок был тут же, стоял у чьей-то юбки и жевал конец пояса.

— Он кричал?

— Сказал: «Нитка». И встал. Этому у нас с пелёнок учат.

— Давно стоит?

— С четверть свечи.

Это мне ничего не сказало. Я посмотрел на мальчишкину ногу, на ту, что впереди. Колено у неё подрагивало, и это было видно даже с вала.

— Куда идёт волос?

— Вправо от него. Пять шагов, кочка, видишь? Там спящий. Гарт по его следу шёл, десяти шагов не дошёл, видел. — Она кивнула на сутулого. — Я его назад за пояс тащила.

— Кто ещё туда ходил?

— Никто! Туда восемьдесят лет никто не ходит.

Кто ставит нить, тот хочет, чтобы горшок на её конце сработал, когда нить тронут. Бывают и такие, что срабатывают и когда её натянут, и когда отпустят. Сейчас её держит мальчишкина щиколотка. Вбей у щиколотки кол, чтобы нить легла на дерево и не шелохнулась, и пусть парень убирает ногу.

— Коля — вон орешник. Почему стоите?

Она посмотрела на меня, как на лежащего, который спросил, когда танцы.

— Потому что в шаге от кочки землю размыло, и там второй бок торчит.

— Какой?

— А ты сходи спроси! Не знает никто. И узнать некому.

— Почему некому?

— Каждый пятый спящий чует дар. Искру — с шага, с двух, кто посильней, того дальше. Пока не знаешь, какой он, ближе трёх шагов не ходят. Ни Гарт, ни я, ни корова.

— От него до мальчишки шага четыре, не меньше.

— До мальчишки — да. А с волоса снять — это к горшку идти и там держать. Теперь понял?

Держать, стало быть, нить у самого горшка, рукой, чтобы та не дрогнула, пока парень уходит. Так здесь снимают. А до горшка от второго бока один шаг.

— Нет. Что такое дар?

Кто-то засмеялся, коротко, и подавился.

— Стой, Нел, — опять сказал сутулый.

Стриженная зло выдернула из кармана камешек, серый, с голубиное яйцо, и стиснула в кулаке. Разжала. Камешек светился жёлто, ровно, без дыма. Она сунула его мне под нос и тут же спрятала обратно в карман, и сквозь холстину просвечивало.

— Вот чем зажгла. Это у каждого. У овцы есть.

Ни фитиля, ни кнопки я на камешке не разглядел. Посмотрел на её пустой кулак ещё раз. Искра, выходит, вот это и есть, и горшок её чует, у кого с шага, у кого дальше.

— А во мне?

Она смотрела долго, сощурившись, куда-то мне в грудь.

— В тебе ничего нет.

— Не пускай его, Гарт! — Это крикнул мужик с верёвкой, и голос у него был сорванный. — Пустой — к беде! Влезет, разбудит, и парня твоего по полю разнесёт... Пускай стоит малец. Стоит же!

— До ночи простоит? — спросила стриженная, не оборачиваясь. — Ты на колено его глянь!

— А ты, значит, его туда шлешь, чтоб он...

— Я никого не шлю!

— Уважаемый, — сказал я мужику с верёвкой. — Вы сами пойдёте?

Он открыл рот и закрыл. Моток переехал обратно на первое плечо.

Сутулый наконец повернул голову. На меня он не посмотрел, посмотрел на мои ботинки и у них спросил:

— Сымешь?

— Посмотрю.

Двадцать один год на это слово обижаются. Сутулый кивнул ботинкам и опять повернулся к полю:

— Стой, Нел. Стой... Идут к тебе.

Я спустился с вала на чистую сторону, в орешник. Срезал прут, прямой, в палец толщиной, длиной в мой рост, без сучков на нижней трети, и заострил. Срезал и два колышка в локоть, заострил тоже, хотя хватит ли двух и куда их бить, ещё не знал.

Потом сел на гребне, где кончалась дорожка и начиналась бурая трава. Железа на мне было пять мест, считая колёсико на зажигалке, а пуговицы на куртке и на штанах пластмассовые, их я не считал.

Часы легли на траву слева, рядом с ними сложенный нож и зажигалка, дальше ремень с пряжкой. Штаны держались и так, за зиму я похудел. Ботинки с железными носками я расшнуровал, поставил парой, носками к полю, и сунул в них носки.

Земля была, какой ей положено быть в начале весны, сверху каша, под кашей лёд. Пальцы на ногах поджались сами. У лужи я давал босой ноге десять шагов. Тут не вода, тут она продержится дольше, а насколько — узнаю по дороге.

— Ты зачем разулся? — спросила стриженная. — Хоронить тебя там всё равно некому, не старайся.

— Ногой слышнее.

Я тронул нагрудный карман, изоленка была на месте. Взял прут в правую руку, колышки в левую и встал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.